

* * *

Таковы, в основном, вопросы, обсуждавшиеся на этом итоговом съезде. Итоговым его можно считать лишь в том смысле, что он наглядно показывает тот тупик, в который зашла современная буржуазная этнография в США. Это признают, как мы видели выше, сами американские этнографы. Кробер в своем заключительном слове, говоря о современном состоянии этнографии, прямо заявил, что ему «не жаль бросить это дитя на съедение волкам»⁴⁵.

Съезд показал, что идеологам реакционного крыла в американской этнографии так и не удалось подчинить своему влиянию буржуазную этнографию Старого Света. Выступления ученых Европы и Азии показали, что они не принимают теоретические построения этнопсихологов, что они видят их расистскую сущность. Разоблачая и отвергая их, они выразили волю своих народов, борющихся за независимость своих стран.

Съезд показал, что реакционное этнопсихологическое направление не стало господствующим даже в американской буржуазной этнографии. Реакционная сущность этого направления отступила от него многих из прежних сторонников психологизма в этнографии. В рядах американских этнографов растет стремление найти новые пути этнографического исследования, которые вывели бы науку из состояния тупика. Вне всякой программы съезда, столь тщательно разработанной его руководителями, на нем были услышаны голоса ученых, решившихся принять отдельные положения марксизма и осмелившихся заявить об этом даже в условиях преследования за «неамериканский» образ мыслей.

Тенденции, наметившиеся на съезде, продолжают развиваться в литературе, вышедшей в самые последние годы. Все больше раздается высказываний за возврат к сравнительному методу исследования; еще в 1953 г. Фонд Веннер-Грен провел по этому вопросу специальное совещание. Американские этнографы все чаще говорят о наличии в их среде противников «моделей культуры», «национальных характеров» и им подобных реакционных концепций.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Былины. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. И. Богомолова. «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1954.

Серийное издание «Библиотека поэта» (Большая и Малая серии), имеющее своей целью популяризацию русской поэзии, в течение ряда лет печатает наряду с произведениями русских поэтов и сборники народнопоэтического творчества — былин, песен, частушек и пр.

Рецензируемый сборник является несколько переработанным повторным изданием в той же серии («Былины», 1950). Сборник содержит 27 текстов, взятых из печатных источников. Соответственно значению образов богатырей в национальном эпосе большее число текстов, дающих «поэтическую биографию» (стр. 13), отведено Илье Муромцу, затем — Добрыне Никитичу. Помешены также былины об Алеше Поповиче, Василии Игнатьевиче, Сахматии, Вольге, Микуле Селяниновиче, Чуриле, Ставре, новгородские былины о Василии Буслаевиче и Садко и о других героях эпоса. Сборник снабжен примечаниями, характеризующими сюжеты и некоторых, более выдающихся, сказителей, а также словарем и краткой библиографией «главнейших сборников былин».

Сборнику предпослана содержательная статья, освещающая ряд важных вопросов русского национального эпоса: происхождение былин, их значение в жизни древней Руси, их развитие и идейное содержание — патриотизм, демократизм, отсутствие завоевательных идей, утверждение труда как богатырского подвига. Рассмотрены также особенности поэтических средств былинного жанра, стихосложение и напевы.

Кроме классических изданий былин XIX — начала XX в., в рецензируемом сборнике использованы издания советского времени: «Былины Севера» в записи А. М. Астаховой, т. 1, 1938; «Былины Пудожского края», подготовленные к печати Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым, 1941; «Онежские былины», собранные экспедициями под руководством Б. и Ю. Соколовых и опубликованные в серийном издании — «Летописи Государственного литературного музея», кн. 13, 1948. Тексты в основном взяты в передаче лучших сказителей — Т. Г. Рябинина, А. П. Сорокина, Л. Г. Тупицына, А. М. Крюковой, Г. А. Якушова и других. От сказительницы М. С. Крюковой имеется одна запись 1899 г.; записи более поздних лет, характеризующие ее зрелое творчество, не использованы.

В небольшом популярном сборнике очень ответственно выбран текстов, по которым широкий читатель будет знакомиться с русским эпосом в целом; поэтому встает задача отбирать не только наиболее художественные, но и наиболее типичные варианты. В этом отношении некоторые тексты сборника не вполне удовлетворительны. Не типичен

⁴⁵ An Appraisal..., стр. 366.

текст об «Исцелении Ильи Муромца», где Илью, в отличие от большинства других текстов, предостерегают от единоборства не только с Микулой («его любит мать-сыра земля»), но и с Самсоном и даже с Вольгой, который может взять «хитростью-мудростью», — это снижает образ непобедимого старшего богатыря. Напомним, что П. Н. Рыбников характеризовал Леонтия Богданова, чей вариант приведен в сборнике, не как первоклассного мастера устного слова. В «Состязании Добрыни Никитича с князем Владимиром» место Добрыни обычно занимает Иван Гостинный сын. В текст былины «Добрыня и Змей», записанный от одаренного сказителя Г. А. Якушова одновременно тремя лицами, как это практиковалось в экспедициях братьев Соколовых, вкрались некоторые несообразности, которые желательно было бы оговорить (стр. 119, 120, 124; например, «Как змея змею о сыру землю» — вместо бросил?). Спорно помещение сюжета о «Трех поездках Ильи Муромца», в котором мотив приключений богатыря в замке волшебницы сближает текст с лубочной сказочной литературой. Его можно было бы заменить, например, сюжетом о Потыке.

Следует отметить, что по сравнению с предыдущим изданием подбор текстов улушился. Изъято несколько нехарактерных для традиционного эпоса текстов: «Наездливиков», «Бутман Кольбанович и царь Петр Алексеевич», «Птицы», «Ждан-царевич» (последний — единичное переложение в былинный размер сказочного сюжета). Некоторые варианты заменены более ценными в передаче Т. Г. Рябинина и Г. А. Якушова («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Святогор и Илья Муромец»).

Обращает внимание сильная модернизация текстов из сборника «Былины Пудожского края». Текст Н. В. Кигачева о Добрыне Никитиче и Дунае отличается прозаизмами, обилием придаточных предложений, не свойственных синтаксису былины. В тексте фигурируют «король черниговский», а вместо чудесных младенцев, готовые родиться, в золоте, серебре и звездах — «дитя-зародыш, необыкновенный сын» (стр. 148). Тексты А. М. Пащковой сбивчивы и испытали сильное воздействие литературных источников. Так, конец ее былины о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром (стр. 94) заимствован из баллады А. К. Толстого «Илья Муромец»:

Говорит тут старый казак да Илья Муромец:

«Двор мне княженецкий не нужен,

Не пиров держушь,

Я мужик неприхотливый,

Был бы хлеба кус...»

В былине о Ставре упомянуты «дружины» «гусельщиков», «шахматчиков» и «стрельцов»; на правой руке жены Ставра, едущей по полю, сидит сокол, а на левой — голубь. Чувствуется, что сказительница не представляет себе, ни что такое дружина, ни что такое соколиная охота, а от эпической традиции произвольно отошла. Поэтому кажется спорным, что для сказительницы «характерно весьма активное, творческое отношение к былинным текстам» (стр. 311).

Кстати, если бы характеристики сказителей были даны не разбросанно в примечаниях, а компактно в статье, это позволило бы автору сделать некоторые общие выводы о сказительском мастерстве и показать, хотя бы бегло, галерею образов сказителей. Следует учитывать, кроме того, что примечания обычно читаются не подряд, и поэтому некоторые сведения о сказителях неизбежно будут читателем пропущены. То же относится и к данным о сюжетах былин в примечаниях.

Ценным, в особенности для данного серийного издания, является упоминание об использовании ряда былинных образов и типов сказителей писателями и композиторами (напр., образ Микулы в очерках Г. Успенского «Власть земли», описание выступления Ирины Федосовой в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина»). Можно было бы указать также и на использование А. К. Толстым образов богатырей в своих балладах (на основе былин о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром и об Алеше Поповиче и Тугарине, имеющих в сборнике; баллада «Змей Тугарин» близка как раз к данному варианту — Кириш Данилова: в эпизоде о «бумажных крыльях» змея, от угрозе Алешу Поповича перебрисать его через крышу дано почти дословное переложение А. К. Толстым этого варианта былины. Кроме оперы «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, можно было также напомнить о картине И. Е. Репина, изображающей Садко в подводном царстве, причем мотив солнца, просвечивающего сквозь воду, возможно был подсказан художнику именно текстом А. П. Сорокина, помещенным в рецензируемом издании: «А увидел — сквозь воду печет красно солнышко» (стр. 280).

В отношении исторической специфики былинной обстановки представляется неточным утверждение, что «описание природы, бытовой обстановки, различных богатырских предметов обычно очень кратки» (стр. 31), — в том смысле, что этому в былинах уделено мало внимания. Краткость не исключает полноты, необходимой для красочности повествования, а бытовой фон былин очень ярки; кроме того, ряд описаний, ставших «общими местами» эпоса, дается развернуто: седлание коня, сборы богатыря в путь, пиры, состязания в стрельбе, убранство корабля и жилища, перечень оружия в «горнице оружейной» и т. д. В приложенном к сборнику словаре, содержащем около ста слов, отсутствует ряд старинных терминов, относящихся к материальной культуре

древней Руси, например, тканей «скурлат», «камка» с производными от них словами, что дало бы представление о древнерусской одежде. Не имея пояснений к словам «гудок» и «погудальце», читатель будет представлять себе скomoroxов и Вавилу в былине М. Д. Кривополеновой с духовым инструментом — гудком (дудкой), тогда как в тексте речь идет о смычковом инструменте вроде скрипки, очевидно, того типа, который изображен на фресках Софийского собора в Киеве. Не зная, что «погудальце» — смычок, непонятым останется, почему скomoroxи превратили в него именно «поногальце» — кнут, близкий к нему по форме (наряду с другими «чудесами», в чем, возможно, отразилось воспоминание о показывании фокусов, что могло входить в программу представлений скomoroxов древней Руси). Современное значение слова «ярлык» — наклейка с надписью: поэтому у читателя может получиться неправильное понятие о былинном «ярлыке» — официальном послании, содержащем распоряжение, требование и т. п., синонимом которого в былинах является «грамота скорописчатая». Об определении слов «гридница» и «палица», недостаточно отражающем историческое своеобразие этих терминов, мне приходилось уже писать по поводу других сборников эпоса¹. В словаре тур неверно отождествлен с зубром: «Тур — дикий бык (зубр)» (стр. 323). Это смешение известно уже в литературе XVII в., когда туры почти вымерли.

В перечне «Главнейших сборников былин», в отличие от предыдущего издания, добавлены сборники из двух важных локальных очагов эпоса — Дона (А. М. Листопадов, «Донские былины», Ростов-на-Дону, 1945) и Сибири («Былины и исторические песни из южной Сибири», под редакцией М. К. Азадов-кого, Новосибирск, 1939; непонятно, однако, почему составитель не упомянул более позднего издания, в которое были внесены исправления по подлинным полевым записям из собрания С. И. Гуляева «Былины и песни южной Сибири», под редакцией В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952).

Вообще было бы желательно выработать единообразие в составлении примечаний, словарей и указателей в сборниках фольклора. Обсуждение принципов издания научных и научно-популярных сборников значительно облегчило бы работу в этой области.

Отдельные указанные недочеты не снижают значения издания таких, составленных со знанием дела, сборников по русскому народному творчеству. Хотелось бы видеть в серийном издании «Библиотека поэта» сборники и других жанров фольклора, не нашедших еще себе здесь места.

Р. Лунец

Українські народні думи та історичні пісні, Видавництво Академії наук Української РСР, Київ, 1955.

Вопросам собрания, изучения и публикации народнопоэтического творчества на Украине уделяется большое внимание. Достаточно сказать, что за последние годы одним только Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР было подготовлено к печати и издано 5 сборников: «Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну» (1953 г.), «Радянські народні частушки і коломийки» (1953 г.), «Українські народні прислів'я та приказки» (1955 г.), «Українські народні думи та історичні пісні» (1955 г.), «Народні співці Радянської України» (1955 г.). Из числа названных публикаций наибольшего внимания заслуживает сборник «Українські народні думи та історичні пісні» (составители П. Д. Павлій, М. С. Родина, М. П. Стельмах, вступительная статья и примечания П. Д. Павлія, под ред. М. Т. Рыльского и К. Г. Гуслистого).

В большой статье (объемом более 3 п. л.) «Героїчна поезія українського народу» П. Д. Павлій обстоятельно охарактеризовал историю собрания и изучения украинских дум и исторических песен. Давая критико-библиографическую оценку дореволюционных изданий, посвященных украинской народной поэзии, П. Д. Павлій отметил их достоинства и недостатки. Последние обуславливались конкретными историческими условиями и пагубным влиянием буржуазно-националистической идеологии некоторых дореволюционных исследователей и собирателей украинской народной поэзии. Что касается изданий по народному творчеству, осуществленных в послереволюционный период, то они, к сожалению, в статье охарактеризованы не полно. Автор ограничивается лишь беглым перечислением исследований и сборников украинской народной поэзии, не вникая в их сущность и не подвергая критике и анализу. Это, конечно, умаляет значение историографической части статьи.

П. Д. Павлій отметил большое значение для собрания и издания украинской народной поэзии деятелей русской науки и культуры (позов-декабристов, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Гоголя, Короленко, Жемчужникова и др.), украинских поэтов, писателей и композиторов (Шевченко, Франко, Леси Украинки, Манжуры, Лысенко и др.).

Последующая часть работы П. Д. Павлія посвящена раскрытию идейно-тематических и художественных особенностей дум и исторических песен. Он говорит о демократической направленности этих произведений, об их связи с поэтическим творчеством русского народа, об идеях свободолюбия, патриотизма и дружбы народов, во-

¹ См. «Советская этнография», 1952, № 2 и 1954, № 4.